

АРХИВ (М)

К 60-летию

Вооруженных

Сил СССР

Жизненный путь Всеволода Вишневого, его литературная деятельность неразрывно связаны с революцией, с флотом, с Красной Армией. О своих первых литературных опытах, о своем становлении как драматурга он с удивительной непосредственностью и молодым задором рассказывал на расширенном заседании секретариата ЛОКАФ (Литературного объединения Красной Армии и Флота) совместно с членами Всероссийского общества драматических писателей и композиторов 13 июня 1932 года. Фактически — это творческая автобиография писателя, причем самая ранняя.

Вишневский подчеркивает, что военная тема вошла в его сознание с детских лет, что она получила развитие в годы первой мировой войны, когда он пошел добровольцем на фронт, и окончательно захватила его в период гражданской войны, активным участником которой он был. Выступление Вишневого относится к 1932 году, и поэтому, естественно, в нем говорится только о его первых крупных литературных вещах — прежде всего о пьесах «Красный Флот в песнях», «Первая Конная» (1929) и «Последний решительный» (1931), — о том, что непосредственно предшествовало главному произведению Вишневого — «Оптимистической трагедии».

Стенограмма выступления Вс. Вишневого хранится в ЦГАЛИ. Хотя эта стенограмма и была им просмотрена (на страницах машинописи есть авторские пометки), однако она не была исправлена. Поэтому в тексте немало шероховатостей, характерных для устной речи. В отдельных случаях пришлось по смыслу ввести пропущенные при стенографировании слова, необходимые для понимания текста. Но зато предлагаемая читателям стенографическая запись хорошо передает ораторскую интонацию Вишневого, его живую речь.

Стенограмма печатается выборочно.

Ю. КРАСОВСКИЙ,
старший научный
сотрудник ЦГАЛИ СССР

плохо живется, солдат умирают, народ замучен... Еще в период корниловского выступления я не был с большевиками, но потом, когда я все понял, у меня пошел первый большевистский «рефлекс». И я начал примыкать к большевикам. Наша рота голосовала за большевиков, и я с ними. Затем Октябрьское выступление, где я шел с массой, большевиком; лозунг «Довольно войны!»... Я должен был пойти парламентаром к донским казакам... Я уже определил свое отношение к революции, я заговорил по-настоящему... я сказал свои первые честные большевистские слова.

Потом пошла волна большой работы. Тут сразу началась работа красногвардейская — путь был определен... Я начал осмысливать этот материал. Меня потянуло к литературе. Еще в гимназии мне очень удавались военные темы, но это были ученические работы... Настоящий выход меня как писателя относится ко времени гражданской войны, в 1-й Конной армии Буденного. У меня была потребность после рейдов набрасывать свои впечатления. Я копил записки, может быть, они были бы любопытны, но все они погибли на фронте... Тогда же я начал «печататься». У меня появилось умение «подавать» военно-политический материал, которым меня богато снабдила жизнь. Товарищи говорили, что мне это удавалось. Я

сам учился, изучал английский язык. Я подготовлял из себя штабного работника, я выковывывал из себя бойца, квалифицированного командира Красной Армии, который может работать на любом посту. Я ставил себе эту цель. У меня был интересный опыт, который я подытожил в журнале. Но тут как раз произошла та закономерная случайность, которая снова повернула мой путь к литературе.

ЦДКА обратился к морскому командованию с просьбой помочь в устройстве музыкально-литературного вечера. Направили ко мне. Режиссер театра приехал ко мне. И в разговорах с ним родилась первая моя настоящая литературная вещь «Красный Флот». Через нее я подошел к практической работе в литературе и театре. Вещь эта удалась, но я еще не представлял себе значение этой работы...

Осенью 1929 года ЦДКА и ПУР решили использовать меня еще на одной работе — предстоял юбилей 1-й Конной армии... Мне было сказано — попробуй-те развернуть для театра, для театрального действия материал 1-й Конной армии. Здесь я вплотную шагнул в театр, в большую литературу. Мог ли бы я написать «Первую Конную», если бы мной не был пройден мой жизненный путь? Думаю, что нет.

Прежде чем написать «Первую Конную», я изучил весь материал, который мог. У меня даже сохранился план написания «Первой Конной», который я когда-то сделал. Это было явное выступление агитатора, политработника... Это было выступление, оплодотворенное боевым духом, темпераментом, чувством, которые сохранились у меня от нашей борьбы...

НАКАНУНЕ

«ОПТИМИСТИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ»

Я буду развешивать перед вами наиболее скажем основные, узловые моменты, которые позволят вам понять мой путь и тот материал, который я «предлагаю» нашей литературе...

Я с раннего детства, с 4—5 лет, помню себя в военном окружении, среди казарм Петербурга, среди солдат петербургского гарнизона... Пятилетним мальчиком я помню военные детали революции 5-го года — стрельбу, казаков... На психику сразу же остро легли эти военные впечатления...

Я прекрасно помню первые вспышки Триполитанской войны, Балканскую войну, помню подготовку России к войне. Значит, и вторая стадия моего развития определилась военными настроениями, милитаристическим давлением, которое отчетливо проявилось в средней школе...

Когда раздался первый приказ о мобилизации, я в июле 14-го года стал нижним чинном императорской армии... Я стал видеть жизнь не через латынь, Цицерона, не через дисциплину, школу и условия семьи, а через большое представление о жизни, которая развертывалась в самых серьезных видах и в глубоких формах во время войны. В 16-м году, когда я был ранен, я начал вдумываться в то, что у нас происходит в армии и флоте... Наблюдая тяжелые явления 15—16-го годов, видя катастрофические поражения, я начал задавать себе первые вопросы: почему? зачем?... Помню к какой волне пессимизма это меня привело, какое тяжелое состояние вызвало у меня 15—16-летнего мальчика, то положение, что я, не видя никакого решения для себя, не зная, как быть, но целиком сроднившись с солдатской массой, доходил до тяжелых нравственных испытаний, и мое старое воспитание погибало и ломалось.

Потом произошли события, которые вдруг прорезали мне глаза. Я говорю о Февральской революции... 17-й год был первым стихийным выступлением: не во имя осознанных целей, а во имя того, что наша рота выступает за правду —

помню выступление под Александровском — я написал письмо казакам мелом на железнодорожной будке. Потом я привык. И организовывал такие же стенгазеты. Когда я попал на Черное море, я был выдвинут на работу редакционного типа. Там я познакомился с Ф. Гладковым, он был редактором газеты «Красное Черноморье». Мы с ним очень сошлись, и он мне очень помогал. Недавно мы с ним встретились и радостно вспоминали те времена.

Следующий этап работы — материалы в газете о партизанской работе в Крыму... Все это были работы случайного порядка. Я написал тогда первую большую работу «Инсценировка суда над кронштадтскими матросами». Там я сам играл роль подсудимого матроса с «Петропавловска». В детстве у меня был опыт театрального порядка.

Весь выход мой в литературу целиком идет от революции. И я считаю себя как писателя порождением революции...

...Была у меня полоса большого отхода от литературы... Я пошел работать в Морскую академию. Там я вел педагогическую работу,

Приступая к написанию «Первой Конной», я сказал себе, что надо искать новую форму, надо передать огромный масштаб событий, не сравнимый ни с чем прежним.

Работа была очень напряженной, потому что писалась она в юбилейные дни, писалась с большим напором, с большой любовью...

Я написал «Последний решительный». Эта пьеса оформилась в четыре дня. Это было отрицание старых канонов... Художественно сделана фигура Самушкина. Эта фигура сделана со знанием дела, со вкусом. Она живет, и этот образ останется. И, кроме того, есть фигуры большие, которые вскрывают наши силы, обстановку на сегодняшний день. В этой пьесе есть настоящая зарядка. Но действительной картины страны, ожидающей войны, мне не удалось дать... Не хватило в этой пьесе идейной критики, большого показа гущи нашей жизни, не хватило показа людей во флоте... Любовь к этим парням, радостное ощущение, что я к ним пришел, их воспитывал — много дало мне. Но этого было мало — художник должен показать все. И по-настоящему глубоко показать все.

...Искусство нового типа должно быть искусством большим, монументальным, свободным, сильным, искусством патетического порядка.